

Евгения Лупанова

Рец. на: Г.А. Гребенщикова. Черноморский флот в период правления Екатерины II. СПб.: Остров. 2012. Т. 1. 552 с., ил.; Т. 2. 512 с., ил.

Yevgenia Lupanova

(Peter the Great Museum of Ethnography and Anthropology (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences)

Rec. ad op.: G.A. Grebenschikova. Chernomorskii flot v period pravleniia Ekateriny II. T. 1–2. Saint Petersburg, 2012

Рецензируемая двухтомная монография¹ доктора исторических наук Галины Александровны Гребенщиковой стала продолжением её научного труда, изданного ранее². В этих работах представлена полная картина состояния отечественного флота и проанализирована его роль в истории Российской империи в годы правления императрицы Екатерины II. Книги написаны на основе впервые вводимого в научный оборот архивного материала. Только для двухтомника автор исследовала более 1 тыс. документов, хранящихся в семи различных архивах и рукописных собраниях. Это донесения и отчёты дипломатов, документы Адмиралтейств-коллегии, Комиссии по делам Архипелагской флотилии, Конторы Таганрогского порта, российских миссий за границей, протоколы заседаний Черноморского адмиралтейского правления, ордера и переписка кн. Г.А. Потёмкина, архив Главного командира Черноморского флота, материалы различных канцелярий, вахтенные журналы судов и техническая документация.

Первые главы монографии посвящены событиям, произошедшим задолго до восшествия на престол Екатерины II. На протяжении 400 страниц раскрывается предыстория создания флота на южном рубеже России. Военные, дипломатические достижения и провалы, внутривнутриполитические обстоятельства, влиявшие на процесс, состояние финансов, становление и развитие Азовской флотилии – всё

это подробно рассмотрено автором до 1781 г. Именно тогда, согласно документам, произошло разделение морских сил на Юге России на Азовскую (Донскую) флотилию и Черноморский флот. Также детально представлены история строительства судов (в том числе поиска оптимальных для Юга технических решений), роль флота в реализации крупных политических проектов, становление системы управления и администрации Черноморского флота, среди важнейших условий которого названы финансирование, отлаженная система функционирования вертикали морской администрации, большие запасы леса, опытные офицеры и корабельные мастера.

В книге рассмотрен длительный и сложный процесс формирования и реализации замыслов российского руководства по завоеванию выхода к Чёрному морю и укреплению позиций в этом регионе, причём в неразрывной связи с развитием ситуации на международной арене. Гребенщикова описала и активное участие в русско-турецких войнах прусских, английских, французских, австрийских дипломатов и государственных служащих, активно поддерживавших Османскую империю и стремившихся всеми силами предотвратить усиление России; французских инженеров; греков и албанцев, участвовавших в боевых действиях. Как отметила автор, на полях сражений решались европейские противоречия, и

многие страны были заинтересованы в разжигании русско-турецкого противостояния. Особое внимание она уделила борьбе славянских, православных народов против османского ига.

Явления, традиционно ассоциировавшиеся со второй половиной XIX в. (Крымской войной 1853–1856 гг. и возникшей после неё международной ситуацией), оказались, по словам исследовательницы, столь же характерными и для событий XVIII столетия. Подробно охарактеризована и обстановка, сложившаяся между двумя русско-турецкими войнами при Екатерине II, когда на пограничной с Турцией нашей территории под видом торговых судов строили корабли, которые легко и быстро можно было превратить в военные (т. 1, с. 325). Действия турецкого султана автор рассмотрела не только в рамках взаимоотношений Россия – Османская империя, но и в связи с событиями, происходившими как внутри последней, так и в мире.

Особое внимание в книге уделено подвигам и победам не только прославленных героев, но и почти позабытых моряков Черноморского флота (И.Г. Кинсберн, Г. Лоренцо, Ю. Ломбардо, С. Де Шаплет и др.), а также людям, с именами которых связаны крупные дипломатические успехи России (гр. С.Р. Воронцов, А.С. Стахийев, Я.И. Булгаков, генерал-фельдмаршал кн. Н.В. Репнин и др.). Выступив против сложившихся стереотипов, исследовательница представила собственные трактовки причин неудачи русской дипломатии в Белграде в 1739 г., переоценки роли Чесменского сражения – вплоть до уничтожения всего турецкого флота; времени возникновения идеи о присоединении Крыма к Российской империи, вклада таганрогского заводчика Ф.К. Фурсова в развитие Черноморского флота (т. 1, с. 93–94, 163–164, 311, 431–433) и службы в России героя Войны за независимость США Дж.П. Джонса (т. 2, с. 162–163).

Названы трудности становления Черноморского флота, в частности огромные расходы, поиски новых технических решений, зачастую обусловленных здешними климатическими условиями, напряжённая работа в условиях войн с Турцией. При этом затраты не всегда оказывались

оправданными. Описана также сложная ситуация, связанная с распределением денежных средств, управлением флотом, обеспечением провиантом и обмундированием, поддержанием дисциплины (т. 1, с. 316–317). Боевые качества «новоизобретённых» кораблей оставляли желать лучшего; по сути, они оказались непригодными для использования (т. 1, с. 205–206), а усилия европейских дипломатов подчас снижали значение достижений русского оружия. Однако, несмотря на все трудности, отметила Гребенщикова, страна вела последовательную независимую политику создания, укрепления и развития собственного Черноморского флота (что стало крупным событием мирового масштаба): «Даже в самые тяжёлые военные времена, когда Россия крайне нуждалась в союзной опоре и поддержке, Екатерина II не шла на поводу у сильных держав и не жертвовала в угоду им интересами своей империи» (т. 2, с. 68).

Гребенщиковой удалось найти ранее не введённые в научный оборот архивные документы и добавить штрихи к историческим портретам генерал-фельдмаршала Г.А. Потёмкина, генералиссимуса А.В. Суворова и адмирала Ф.Ф. Ушакова. Также ею раскрыты особенности личных взаимоотношений между участниками описываемых событий, рассмотрены агентурная работа противоборствовавших сторон и способы оперативной доставки секретной корреспонденции. Автор показала, что скорость получения и передачи достоверной информации из лагеря противника играла не меньшую роль, чем работа дипломатов и военные действия.

Из книги можно узнать об условиях содержания русских в турецком плену и даже о восприятии путешественниками культуры африканских аборигенов. Особое место уделено технологии изготовления всевозможных видов пеньки и процессу работы конопатчиков, использованию различных смол в судоремонтных работах, поискам способов защиты судов от червей, мерам противопожарной безопасности на верфях и требовавшимся для строительства и ремонта кораблей материалам. Как отметила автор, стремились не отставать в деле использования новых технологий и турки. Следуя рекомендациям французов,

они начали обшивать деревянные корабли медью, что дало им важное преимущество в скорости хода. Вышеперечисленные моменты трудны для выявления и кажутся мелкими некоторым исследователям, поэтому редко удостоиваются подробного описания. Между тем именно они составляют бесценный материал для детального понимания повседневной жизни XVIII в. и огромной многоплановой работы, результатом которой стали общеизвестные победы русского оружия.

Однако отмечу: назвав перспективные направления для дальнейших архивных поисков и исследований, связанных с ролью французов на турецкой службе и влиянием русских агентов на албанские и египетские дела, Гребенщикова не объяснила, почему русско-турецкий коммерческий трактат от 10 июня 1783 г. оказался неожиданным поворотом в истории взаимоотношений двух стран (т. 1, с. 445). Их противостояние на Чёрном море – неоспоримый факт, но трудно также сомневаться в обоюдной выгоде развития торговых отношений. Тем более что ранее автор подробно рассказывала об успешном укреплении военной мощи Османской империи. Будучи уверенным в надёжности своей армии и флота, султан мог думать о выгоде налаживания сотрудничества с Россией. Важным условием подписания коммерческого трактата была и активная работа русских дипломатов, о чём автор также уже писала.

Несколько странным, на мой взгляд, выглядит снисходительное отношение к фактам реквизиции фуража и провианта, занятия жилых домов русскими военными в Крыму. В России такие действия считались обычным явлением. Постоянная повинность была тяжким бременем для населения, но являлась элементом повседневной жизни, и мало кому приходило в голову покидать насиженные места и разбегаться из деревень, когда туда приходил отряд солдат. Но это касалось своих, русских, воинских подразделений. Если же территория была занята недавно (как Крым в 1776 г.), то уверенности в том, что, с точки зрения местного населения, действия военных выглядели безобидными, быть не могло.

Сомнительным кажется и тезис автора о том, что в 1791 г. большинство простых

англичан не разделяло настроений своего правительства, солидарного с Турцией, и «на домах стала появляться одна и та же надпись, написанная крупными буквами: “Не хотим войны с Россией”» (т. 2, с. 334). К сожалению, это информация дана без сноски. Если она взята из британского источника, то достаточно убедительна, а если из рапортов гр. Воронцова и близких к нему людей, то не исключена некая доля преувеличения (скорее всего, ситуация не была столь однозначной). Без сомнения, вышеназванные вопросы получают освещение в последующих публикациях автора.

Гребенщикова, отвечая на высказанную в печати критику относительно её ранее изданных научных работ, подробно пояснила правомерность применения термина «военно-морская доктрина» для XVIII в. (т. 1, с. 96), дала развёрнутую аргументацию в пользу своей атрибуции чертежей и ответила на многие дискуссионные вопросы, активно обсуждаемые сегодня историками. Удивительно, но предметом сокрушительной критики коллегами рецензируемого двухтомника стал относительно небольшой фрагмент (в приложении), посвящённый деятельности состоявшего на русской службе греческого полковника Л. Кацони (т. 2, с. 216–229, 310–320).

Как правило, активизация исследовательского интереса к какому-либо персонажу в исторических трудах связана с политической конъюнктурой и празднованиями юбилеев (например, М.В. Ломоносова, начала Первой мировой войны) с сопутствующими им научными конференциями, выходом в свет монографических исследований, акциями просветительского характера. На этом фоне интерес вокруг личности Кацони выглядит несколько странным. Несмотря на относительно скромную роль в русской истории, ему за последние пять лет были посвящены пять исследований³, не считая заметок, статей и более ранних изданий⁴, – количество, достойное яркой неординарной личности. Однако качество некоторых работ весьма сомнительно, как и представленные в них выводы («в России очень мало литературы, посвящённой этой личности», «действия Ламбро Кацони оказались более плодотворны, чем действия казённой флотилии» и т.д.).

Изучение деятельности греческих моряков является перспективным направлением для историка. Гребенщикова скрупулёзно разобралась в таком объёмном и довольно запутанном материале, как документы РГА ВМФ (ф. 150), дав объективную оценку роли греков в развитии русско-турецких отношений в последней четверти XVIII в. При исследовании проблем, связанных с офицерскими представлениями о нормах и их нарушениях на русском флоте, приступив к рассмотрению тех же документов, я обнаружила, что в большинстве из них часто упоминался Кацони, к которому предъявлялись основные претензии как к организатору нападений и предводителю вольной эскадры, занимавшейся захватом нейтральных судов. Однако это не препятствовало ни подаче со стороны греков встречных исков о неполучении жалованья, ни формированию образа Кацони «как легендарного отважного героя – грозы турок, ни продолжению его деятельности... Особенности взаимоотношений офицеров вольной флотилии с органами управления морского ведомства показывают, что пропасть, разделявшая греческих корсаров и командный состав российского флота, – это не просто субъективное мнение моряков. Любой российский подданный, высказавший вслух недовольство правительственным курсом, был бы немедленно препровождён в Тайную экспедицию»⁵.

Сопоставление исследования Гребенщиковой с документами, хранящимися в РГА ВМФ и других архивах, позволило сделать вывод: вооружение греков и попытка привлечения их к борьбе против Турции на стороне Российской империи принесли больше проблем, чем реальной помощи. Из этого правила были исключения, о которых подробно написала Гребенщикова. В историю вошли имена греков, верой и правдой служивших императрице, среди которых есть родоначальники флотских династий. В рассмотренный же автором период именно благодаря морякам-грекам Г. Лоренцо, Христодуло и А. Ликардопуло были нарушены коммуникации противника между Египтом и Константинополем. Так что обвинение исследовательницы в провокации осложнений русско-греческих отношений, прозвучавшее со стороны её оппонентов, совершенно абсурдно⁶.

Кацони же, по общему мнению, был честолюбивым и своевольным человеком, что подтверждают многочисленные источники. «Гордость и славолубие ежеминутно торжествуют в нём», – писал, например, И. Базелевич в 1789 г. Однако можно ли однозначно оценивать личные качества как положительные или отрицательные? В условиях войны происходит ценностная переориентация, при которой только смелость, решительность и честолюбие приносят славу и успех. Гребенщикова убедительно продемонстрировала, что греческий полковник систематически уклонялся от следования в район активных боевых действий, захватывал и грабил слабые суда (в основном греческие), принадлежавшие подданным нейтральных или дружественных России стран, а его донесения о собственных славных подвигах не выдерживали критики.

Так, в 1788 г. Кацони рапортовал о победе своего «20-пушечного фрегата» над шестью турецкими кораблями, в числе которых был один линейный. Анализируя это сообщение, исследовательница справедливо отметила: 1) 20-пушечный корабль никогда не относился к классу фрегатов; 2) корабли, подобные «Минерве Северной» (Кацони), не могли иметь орудия тяжелее, чем малокалиберные трёхфутовые; 3) один выстрел турецкого линейного корабля мог в щепы разнести «Минерву Северную»; 4) названные турецкие потери (более 500 человек убитыми) неправдоподобны; они возможны только при взрыве или потоплении корабля, о чём не упоминалось; 5) ничего не сообщалось о подробностях боя, в частности, не назван даже ранг линейного корабля⁷. Другой пример – сообщение Кацони о сожжении в Ионическом море турецкого корабля и уничтожении всей команды в составе 170 человек. Сложно представить, что он находился на таком расстоянии от района боевых действий и попал в ситуацию, в которой было бы допустимо уничтожение такого числа пленных⁸. Таким образом, гордость и честолюбие Кацони проявлялись не в морских подвигах, а в выдуманной победах.

Между тем работы оппонентов Гребенщиковой, обвинивших её в искажении

действительности, основаны именно на рапортах Кацони в отрыве от других документов. Однако критическое отношение к источнику, привлечение исчерпывающего количества доступных материалов, отказ от «потребительского отношения» к ним (выделение «удобной» информации, отрицание «менее удобной», произвольное толкование текста, трактовка, исходя и требований идеологии)⁹ составляют методологическую основу исторического исследования¹⁰. «Истолкование спорных вопросов источниковедческого анализа, – писал А.А. Зимин, – должно представлять не догадку,.. а давать читателю строго обоснованную гипотезу,.. доказывая... невозможность или меньшее вероятие других объяснений»¹¹. Всё это в полной мере можно отнести к исследованию Гребенщиковой (использование различных источников, их детальный анализ, критический подход, сопоставление разнобразной информации, безукоризненная логика изложения материала).

Нужно отметить, что эмоциональное восприятие негативной оценки пиратства – явление не уникальное: Д.Н. Копелев детально изучил традицию романтизации этого явления. Сюда же можно отнести многочисленную художественную литературу и произведения кинематографии об отважных и бесшабашных морских героях. С психологической точки зрения легко понять поклонников такой продукции, которые позднее узнают о том, что их любимые персонажи были жестокими, беспринципными убийцами, готовыми на любое преступление ради сиюминутной наживы. Однако переносить неприятие таких фактов в сферу научных дискуссий не совсем корректно; в пользу той или иной точки зрения следует приводить самые веские аргументы – архивные документы – и в случае несостоятельности позиции признавать свои ошибки.

Тем не менее изучение касающихся пиратства источников и публикация его результатов воспринимаются весьма критично, чему пример – история с книгой Гребенщиковой, да и научные работы того же Копелева¹². Выход в свет статьи с негативной оценкой личности и деятельности пирата Дж.П. Джонса вылился в

дискуссию, выдержанную, правда, в рамках академического взаимоуважения и не получившую широкой огласки. Но авторы публикаций, посвящённых опозорившему честь русского военно-морского мундира человеку, продолжают прославлять его имя¹³.

Кроме того, нельзя забывать и о политическом аспекте. Деятельность Кацони, например, оценивается некоторыми историками с точки зрения современных политических отношений России и Греции, а Джонса – как часть истории российско-американской дружбы. Как пиратство повлияло на расстановку политических и военных сил, убедительно показал Копелев: пираты «догоняющих» стран – Великобритании и Франции – много сделали для того, чтобы потеснить флоты первых колониальных держав – Испании и Португалии. Правда, роли Кацони и Джонса оказались более чем скромными: эти люди не только не изменили ход военных кампаний, но даже не справились с поставленными перед ними боевыми задачами.

Считаю, что выводы автора рецензируемой работы абсолютно верны: «Самовольные и бесконтрольные поступки Кацони привели к многочисленным жертвам и гибели подчинённых ему греков и потере почти всей каперской флотилии... После подписания мира каперская флотилия под начальством Кацони продолжала незаконные действия в Эгейском море, чем едва не спровоцировала новый военный конфликт с Турцией и столкновение с Францией. Более того, также противоправно Кацони поступал в отношении дружественной России республики Венеция и её подданных, что привело к серьёзным последствиям. Екатерина II отреклась от мятежного и непокорного офицера... В официальных и дипломатических кругах России полковника Кацони называли мятежным пиратом и морским разбойником... история не должна подменяться современной политикой и отношениями государств, равно как нельзя искусственно и безосновательно возводить на пьедестал одну личность и начисто отрицать заслуги других»¹⁴.

В целом в исследовании Г.А. Гребенщиковой весьма полно охарактеризованы внешнеполитическая ситуация и роль рос-

сийского флота в решении геополитических задач страны, представлена его история (передвижения судов, ход сражений, строительство судов, технический прогресс, кадровая политика, роль выдающихся деятелей). Важное место в издании занимают иллюстративные материалы: вместе с основным текстом и на цветных вклейках размещены впервые публикуемые чертежи кораблей, планы сражений, карты, портреты, фотографии моделей, образцы мундиров и др. (к сожалению, не везде они снабжены единообразными подписями с указанием автора, года создания и места хранения подлинника рисунка или чертежа).

Монография содержит именной указатель, список сокращений, использованных источников и литературы. Единственное моё замечание в адрес справочного аппарата касается ссылки на опубликованную в 1787 г. архивную рукопись «Правил для партикулярных корсаров», затем вошедшую в «Полное собрание законов Российской империи» под № 16 599. Было бы корректнее указать издание, а не рукописный экземпляр, хранящийся в архиве.

Особо следует отметить приложения, содержащие ранее не опубликованные документы: из огромной массы проработанного материала автор выбрала наиболее значимые тексты (сигналы управления и оповещения, «Известия, касающиеся до Турецкого флота, собранные С. Плещеевым в бытность его с посольством при Царе Граде в 1776 году», ведомости судов Черноморского флота и списки взятых в плен турецких кораблей и др.). В целом в результате тщательного изучения источников и вдумчивого отношения к контексту А.Г. Гребенщикова, сделав ряд важных выводов и интересных открытий, создала фундаментальный труд, к которому, несомненно, будут обращаться многие следующие поколения историков.

Примечания

¹ Через два года в свет вышло приложение к этой монографии (*Гребенщикова Г.А.* Российские флотилии в Средиземном море и морская политика России при Екатерине II. Дополнение к изданию «Черноморский флот в период правления Екатерины II». СПб., 2014).

² *Гребенщикова Г.А.* Балтийский флот в царствование Екатерины II. СПб., 2007.

³ *Стаму П.Н.* Офицер Ламброс Кацонис и лёгкая российская флотилия в Средиземном море. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005; *Пряхин Ю.Д.* Ламброс Кацонис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб., 2011; *Гертсос А., Николопулос И., Пряхин Ю.Д.* Ради установления истины. О некоторых аспектах книги Г.А. Гребенщиковой «Черноморский флот в период правления Екатерины II». СПб., 2014; *Кондратенко Р.В.* Ламброс Кацонис и российские каперы на Средиземном море в 1788–1792 годах. СПб., 2014.

⁴ *Качиони С.А.* Пират-витязь // Исторический вестник. 1911. № 126. С. 195–206; *Пряхин Ю.Д.* Ламброс Кацонис в истории Греции и России. СПб., 2004; *Сацкий А.Р.* Корсары под Андреевским флагом // Летопись Причерноморья. Литература, история, археология. 2006. № 6; *Климовский С.Д.* Корсар Ламбро Качони и русские крейсерские флотилии на Средиземном море // Гангут. № 59. СПб., 2010. С. 23–40; *Землянченко М.А.* Ливадия доимператорская: от отважного корсара Кацониса до польского аристократа Потоцкого. Симферополь, 2010; *Кондратенко Р.В.* Первые шаги каперской флотилии Л. Кацониса в Русско-турецкой войне 1787–1791 годов // Гангут. 2014. № 80; *Щербинин М.Н.* Придворный корсар императрицы Екатерины. URL: <http://www.tudoy-sudoy.od.ua/pro-istorii-i-odessu/znamenitie-odessiti/kaconis/611-kaconis.html>. Дата обращения: 28. 10. 2014.

⁵ *Лупанова Е.М.* Офицерский корпус русского флота: норма и девиация повседневной жизни. 1768–1812 гг. СПб., 2011. С. 183–184.

⁶ *Гертсос А., Николопулос И., Пряхин Ю.Д.* Ради установления истины... С. 98.

⁷ Российские флотилии... С. 76–79.

⁸ Там же. С. 67.

⁹ *Лурье Я.С.* О некоторых принципах критики источников // Источниковедение отечественной истории. Вып. 1. М., 1973. С. 78–101; *он же.* О гипотезах и догадках в источниковедении // Источниковедение отечественной истории. Сборник статей. М., 1976. С. 26–41.

¹⁰ *Вовина-Лебедева В.Г.* К вопросу о методах исследования нарративных текстов // Отечественная история. 2002. № 4. С. 124–135; *Юрганов А.Л.* Источниковедение культуры в контексте развития исторической науки // Россия XXI. 2003. № 3; *Данилевский И.Н., Кабанов В.В. и др.* Источниковедение. М., 2004.

¹¹ *Зимин А.А.* О методике изучения повествовательных источников XVI в. // Источниковедение отечественной истории. Сборник статей. Вып. 1. М., 1973. С. 211.

¹² См., например: URL: <http://www.privateers.ru/forum-i-chat/forumi/knizhniy->

forum/d-n-kopelev-razdel-okeana-v-xvi-xviii-vekakh-istoki-i-evoliutsiya-piratstva.html. Дата обращения: 21. 10. 2014.

¹³ Дуров В. Американский адмирал русского флота // Столетие. URL: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/amerikanski_admiral_russkogo_flota.htm.

ruskogo_flota.htm. Дата обращения: 28. 10. 2014; Дубин А.С. Адмирал российского флота Поль Джонс // История Петербурга. 2011. № 2. С. 13–19; Коршунов Ю.Л. Когда океан соединяет. СПб., 2012.

¹⁴ Российские флотилии... С. 215.

Александр Феребов

Рец. на: А.М. Феофанов. Студенты Московского университета второй половины XVIII – первой четверти XIX века: Библиографический словарь. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. 478 с.

Alexander Ferebov

(State Historical-cultural Museum-preserve «The Moscow Kremlin», Russia)

Rec. ad op.: A.M. Feofanov. Studenty Moskovskogo universiteta vtoroi poloviny XVIII – pervoi chetverti XIX veka: Biobibliograficheskiy slovar'. Moscow, 2013

К 100-летию основания Московского университета должны были выйти два биографических справочника – об учивших и учившихся в его стенах. «Биографический словарь профессоров и преподавателей» увидел свет в 1855 г.¹ Питомцам повезло меньше: незаконченное издание содержит лишь 18 биографий студентов, слушавших курс в 1756–1760 гг.² Подготовленный А.М. Феофановым новый библиографический словарь во многом восполняет возникший пробел. Конечно, в нём нет развёрнутых жизнеописаний, занимающих несколько страниц и включающих обширные цитаты и полуполюгендарные анекдоты. Напротив, сведения, приводимые автором, лаконичны. Он сообщает годы жизни, сословное происхождение, полученное перед зачислением образование, факультет, на который поступал данный студент, наличие наград за успехи в учёбе, вехи дальнейшей карьеры, принадлежность к масонским ложам и тайным обществам. Особенности быта и культурные интересы затронуты слабо.

Во «Введении» Феофанов подробно характеризует изученные им источники (дела из различных фондов РГАДА, РГИА, РГВИА, АВПРИ, ЦИАМ (ЦГА Москвы),

Отдела редкой книги Научной библиотеки МГУ, многочисленные биографические словари и справочники, родословные книги и сборники). Издание состоит из двух разделов, посвящённых учащимся 1755–1817 и 1817–1825 гг. соответственно. «В основу первой части, – отмечает автор, – были положены списки студентов, публиковавшиеся в “Московских ведомостях”, а в основу второй – личные дела студентов Московского университета, сохранившиеся в ЦИАМ. В первой части даны собственно биографические справки, во второй – указатель дел ЦИАМ с данными о времени поступления студентов в университет и увольнения из него. В биографических справках первой, как правило, даётся ссылка на “Московские ведомости”, потом на архивные материалы, другие источники и литературу» (с. 12). Список сокращений и общий именной указатель существенно облегчают работу с книгой.

Особенно интересен первый раздел словаря, содержащий более обстоятельные сведения о студентах. К тому же в нём представлена информация о периоде до 1812 г. – самом малообеспеченном источниками в истории Московского университета. Полнота перечня студентов